

Ж. Нива

## От «Молитвы» к отказу от отпущения грехов: можно ли дать определение христианству Солженицына?

В статье прослеживается эволюция христианских тем и мотивов в творчестве А. И. Солженицына и ставится вопрос о характере христианства писателя и его роли в художественных и публицистических текстах. Особое внимание уделяется образам праведников, теме покаяния и прощения, интересу писателя к эстетическому началу в христианстве и его вниманию к образам старообрядцев. Приводятся суждения о христианстве Солженицына Оливье Клемана и протопр. Александра Шмемана и делается вывод о сложной «полюмике» небесной и земной «республик» в творческом мире писателя.

ключевые слова: христианство, христианский писатель, Солженицын, Шмеман, покаяние, творчество Солженицына.

В 1963 году, через год после издания «Одного дня Ивана Денисовича» — т. е. после обретения всемирной славы, Солженицын пишет короткий текст под названием «Молитва». Текст, оказавшись у друзей, сразу попадает в самиздат. Именно с обращения к этому тексту нужно начинать, чтобы попытаться понять суть христианства Солженицына. Сразу назвать писателя христианином или нехристианином — дело опасное. Христианская тема не делает писателя христианином, а открытое провозглашение христианской веры подчас оказывается двусмысленным. Не должен ли христианин прятаться? Мрачность романов Ф. Мориака не мешает тому, чтобы христианская вера пронизывала его творения сквозь их мрак. Может быть, Ф. Мориак предложил кандидатуру Солженицына на Нобелевскую премию по литературе не только потому, что увидел в нем великого автора, но и потому, что видел в нем автора-христианина? Не имеет ли таинственной связи с христианской верой чернота сюжета «Архипелага ГУЛАГ»? Кажущийся триумф зла, страдания Иова, крестные муки Спасителя. Во всяком случае, когда автор получил в Англии Темплтоновскую премию, учрежденную бизнесменом-протестантом и присуждаемую за «открытия в области

духовной жизни» (первой этой премией была награждена мать Тереза), то получил он ее за то, что сумел показать «жизнестойкость православной веры в России».

Темплтоновская премия была вручена писателю в 1983 г. По этому случаю семья Солженицыных была принята королевой Елизаветой II — главой Англиканской церкви. Жюри, присудившее премию, упомянуло «Молитву», написанную через год после внезапного взлета Солженицына на вершину славы. Но эта слава имела оборотную, тревожную сторону. А. Т. Твардовский, редактор журнала «Новый мир», предупреждал писателя: «Осторожно, многие вас ненавидят». В 1963–1965 гг. эта ненависть явно не проявляла себя — слишком очевидным было покровительство первого секретаря коммунистической партии Н. С. Хрущёва. Солженицына даже выдвинули на Ленинскую премию, к чему он был готов. Но после падения Н. С. Хрущёва могущественное покровительство исчезло и ненависть дала о себе знать: распускаются клеветнические слухи о военном прошлом Солженицына (будто бы он был в плену у немцев и сотрудничал с ними), в черных красках рисуется его лагерное прошлое (был в лагере доносчиком и т. д.).

Перечитаем текст «Молитвы»:

Как легко мне жить с Тобой, Господи!

Как легко мне верить в Тебя!

<...>

На хребте славы земной

я с удивлением оглядываюсь на тот путь

через безнадежность — сюда,

откуда и я смог послать человечеству

отблеск лучей Твоих.

И сколько надо будет,

чтобы я их еще отразил, —

Ты дашь мне.

А сколько не успею —

значит, Ты определил это другим [Солженицын 2003, 293–294].

Многие были шокированы самоуверенностью, даже гордыней этого текста, этой так рано заявленной убежденностью в собственном пророческом призвании. Эта убежденность не была поколеблена в течение всей жизни писателя, хотя даже великие пророки Израиля предавались отчаянию в тот или иной момент их служения. Эта уверенность, более свойственная Клоделю, чем

Мориаку, если сравнивать Солженицына с великими французскими христианскими писателями XX в., стала стержнем его жизни и творчества. Она давала ему силы и упорство в очень трудные моменты жизни, особенно в 1969–1970 гг., когда он тайком переслал рукопись «Архипелага» за границу, когда он создал семью с женщиной, которая станет его второй супругой, а КГБ использовало его первую жену, чтобы шантажировать его. Он осознавал, что подвергается не просто опасности второго ареста, но и риску «дорожного происшествия», внезапного исчезновения, каких в истории СССР было немало.

«Путь», которому следует Солженицын, — это его давнее убеждение, высказанное перед Богом и перед самим собой через год после его «выхода» на мировую арену. Он еще не написал «Архипелаг ГУЛАГ», но уже эта энциклопедия нового рабства, созданного Утопией, зарождается в повести «Один день Ивана Денисовича». Его «Путь» — это путь каторжников, это «дороженька», идущая из Москвы в глубину Сибири, проходя через Урал, — своего рода крестный путь всей России. Длинная поэма, названная «Дороженька»<sup>1</sup>, сочиненная устно и выученная с помощью четок в годы ГУЛАГа, была неудачей. В 1963 г. Солженицын прочитал часть поэмы Ахматовой, но она промолчала в ответ. В поэме говорится о сибирской дороге, по которой в течение полутора веков шли каторжники, шли по ней два года с кандалами на ногах. Декабристы, Радищев, Достоевский, Короленко прошли этот путь. Поэма длинна и слишком подробна; в ней описаны сцены, запомнившиеся юному Солженицыну. В одной из глав автор рассказывает о том, как чекисты пришли к его деду, до революции бывшему богатым фермером-экономистом, а после революции ставшему нищим, живущим на подаяние своих бывших рабочих. Старик приходит к своей дочери в канун Рождества. Он идет в церковь на рождественскую службу, затем возвращается с нее. Как всегда, он спокоен и радостен. Но в его отсутствие к дочери приходили чекисты и требовали золота, которого у бедной женщины не было ни грамма, кроме обручального кольца. Старик, который погибнет в чека Ростова, ничего не боится: при виде чекистов он даже не нахмурился, он громко, с чувством молился, осеняя себя крестом.

1. Э. Анри-Сафье перевела ее с названием «Дорога каторжников» (*Le chemin des forçats*), чтобы лучше выразить идею каторги.

Молодость Солженицына была молодостью советского молодого человека, атеиста и даже искреннего марксиста. Этот марксистски настроенный подросток был романтичен по натуре и постоянно боролся с одолевающими его сомнениями, когда из советских газет узнавал об арестах инженеров, которые вчера были героями, а сегодня оказывались вредителями. Он получил образование физика-математика, филолога и философа.

Затем следуют война, офицерская школа, фронт, командование подразделением звуковой разведки, которое однажды ночью он спасает от плена. Отпечаталась в памяти и «шарашка» — тюремная лаборатория, в которой он встретил инженеров, ученых, верующих людей. В шарашке Солженицын открыл для себя целый мир, который на свободе был бы для него недоступен. Это время стало для писателя временем настоящих «университетов», подобных «университетам» Горького, сбежавшего от своего деда. Мир предстает перед будущим писателем в многообразии, о котором он не подозревал до войны и тюрьмы: он постоянно слушает, наблюдает, размышляет и выбирает.

В романе «В круге первом» *alter ego* Солженицына Нержин тоже постоянно сомневается, так же как в «Волшебной горе» Т. Манна Ганс Касторп колеблется между иезуитом Нафтой и либералом Сеттембрини. Нержин-Солженицын сомневается, не знает, чью позицию принять. Его скромный Иван Денисович не верит в Бога, но и «не против Бога», он крестится перед едой даже в ГУЛАГе, слушает своего соседа-баптиста Алешу, который рассказывает ему об апостоле Павле в тюрьме. Сторож Спиридон в «Круге первом» тоже неверующий, но живет по русской пословице: «Волкодав прав, а людоед — нет». Иначе говоря, законы природы не годятся для человека. Матрёна — почти христианка. Она близка к этике самопожертвования. Оливье Клеман в своей статье «Дух Солженицына» делает ее примером праведного человека, противопоставляя ее «зверочеловеку», в соответствии с разделением, которое предложил святой Григорий Нисский между зверочеловеком и богочеловеком и которое было воспринято как В. С. Соловьевым, так и Н. А. Бердяевым.

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша [Солженицын 2003, 150].

Нужно отдавать себе отчет в том, какое невероятное впечатление произвели последние слова рассказа на советского читателя 1963 г. Понятие «праведник» является фундаментом русского православного менталитета: своим поведением — активным действием или молчаливым сопротивлением, совершенным поступком или внутренним противостоянием злу — праведник показывает, что такое Правда и Справедливость. Праведник является божественным атлетом, «бегущим на ристалище»<sup>\*1</sup>, о котором говорит святой апостол Павел. Матрёна, бывшая праведницей, сама не понимала этого и не была признана таковой. Однако праведность Матрёны таинственным образом действует на окружающих ее людей.

\*1 1 Кор 9:24

Линия разделения между зверочеловечеством и богочеловечеством у Солженицына касается каждого человека, является определяющей, каждого заставляет склоняться в ту или другую сторону.

У Достоевского эта линия, подобно молнии, рассекает Ивана Карамазова: молния пронзает Ивана на судебном процессе его брата Димитрия. В мире Солженицына нет подобной театральности, но такая же извилина проходит через каждого персонажа. Писатель тщательно всматривается в каждого своего героя: в генералов «Августа Четырнадцатого», мир советской элиты в «Круге Первом», в крестьян, предпринимателей, хищников, людей, пассивно ждущих чего-то. Подвиг советского дипломата Иннокентия Володина пассивен: он звонит в американское посольство и сообщает о предательстве Розенбергов, которые собираются передавать секрет атомной бомбы в СССР. Это делает его предателем той власти, которой он служит, но, одновременно, делает из него обличителя: дать атомное оружие тирану — это преступление, предательство в отношении всего человечества. Очевидно, что Солженицын не боится некоторой казуистики, которую он позаимствовал у атеиста А. И. Герцена, размышлявшего над проблемой оправдания тиранства, следуя при этом Фоме Аквинскому.

Матрёна ходатайствует за всех, как делали это первые христиане. Глядя на нее, мы спрашиваем себя: чем люди живы? В «Раковом корпусе» брошюра Толстого с таким названием попадает в палату тринадцатого корпуса для онкологических больных. Именно эта книжечка подталкивает Ефрема Поддуева, одного из обитателей палаты, к обращению — обращению пусть и упрощенному, но являющемуся настоящей метанойю (μετάνοια).

Такой же внутренний переворот произойдет у капитана Солженицына после его ареста. Он исповедуется в «Архипелаге» как в своей офицерской надменности, которую тюрьма ликвидирует за несколько часов, так и в своей слабости перед офицером КГБ, который завербует его под фамилией Ветров. Об этой исповеди тысячу раз говорили его враги, они и сегодня продолжают делать вид, как будто они сами обнаружили этот факт, который Солженицын скрывал... Грех Александра Исаевича был невелик, но исповедь — всегда первый шаг к очищению.

Что касается отблеска Вечного, о котором говорится в «Молитве», он является лейтмотивом всех произведений писателя. Присутствие Вечного Бога появляется очень рано, в «Крохотках», в «Раковом корпусе», в «Круге первом». Например, когда Яконова приводит его невеста на парапет церкви св. мученика Никиты. Это маленькая церковь с колокольной пирамидальной формы (в XVII в. этот тип колокольни был запрещен, поэтому в Москве он встречается редко). Церковь находится в тени, но с парапета открывается вид на Москва-реку, в пространство, наполненное светом. Антон издает радостный возглас. Агния отвечает ему:

Как же умели древние русские люди выбирать места для церквей, для монастырей! — говорила Агния прерывающимся голосом. — Я вот ездила по Волге и по Оке, всюду так они строятся — в самых величественных местах. Архитекторы были богомольны, каменщики — праведники [*Солженицын 1991, 152*].

Здесь красота соединяется с религиозностью, Правдой, Вечностью. Такое эстетическое восприятие православия пронизывает все творчество Солженицына. Князь Владимир, выбравший греческую религию после сравнения латинян, греков, мусульман и евреев, не руководствовался ли именно этим принципом?

В «Марте Семнадцатого» изображены новые руководители республиканской России, которые очень удивляются, увидев ночью процессию в пригороде Петербурга: это что, несанкционированная манифестация? Нет, они просто забыли, что это Пасха, Великая суббота и что верующие совершают крестный ход вокруг церкви с горящими свечами в руках.

Утрата привычки ходить на богослужение, удаление от обычаев православной церкви показаны в «Красном колесе». Полковник Воротынцев выслушивает упреки своей няни, когда он обедает у своей сестры Веры. Няня прямо говорит ему: «И ведь не говел,

небось? <...> А тебе-то — больше всех надо!» Она предлагает ему пойти на исповедь и причаститься перед тем, как уехать в армию.

Но когда это вдруг открылось совсем легко и совсем сразу — Егор замылся. Видно, уже большая у него была отвычка. А скорей — не хотелось ему исповедоваться — вот сейчас, по горячему делу [Солженицын 2010. Кн. 1, 200].

Воротынцев здесь напоминает Левина, героя «Анны Карениной», которому тоже приходится идти на исповедь перед венчанием с Кити. Гораздо позднее (слишком поздно), уже в эмиграции русская интеллигенция вновь найдет дорогу в церковь. Во время замечательной сцены похорон полковника Кабанова в глубине прусского леса Воротынцев не может вспомнить молитву об усопших и только простой солдат Благодарев запекает панихиду, потому что он певчий в церкви своей деревни.

Описания богослужений многократно повторяются в «Красном колесе». Они прекрасны, похожи на великолепные службы в «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина. Богослужение у Бунина — часть утерянной России. Оно не переживается самим рассказчиком, оно изображается как воспоминание маленького мальчика, которое рассказчик пытается оживить.

Солженицын начал исполнять свои религиозные обязанности задолго до изгнания из России. Когда писатель с семьей приезжает в Цюрих, на встречу с ним из Америки прилетает протопр. Александр Шмеман, замечательный русский проповедник, выросший в Париже, профессор Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. Сам Солженицын, его жена Наталья Дмитриевна и ее сын Митя исповедуются. Когда семья поселилась в Вермонте (в Кавендише), их сосед священник несколько раз служил у Солженицыных, дети учились в воскресной школе. В доме писателя была устроена часовня. Солженицын ездил навещать староверов в Орегоне.

В 1972 г. Солженицын посылает открытое Великопостное письмо патриарху Пимену, в котором вспоминает свое детство, часы, проведенные на службах, говорит о том, какой свежий и чистый след они оставили в душе. Ни жернова жизни, ни интеллектуальные теории не смогли стереть этот след. Но, прежде всего, это письмо — обвинение.

Камнем гробовым давит голову и разламывает грудь еще не домершим православным русским людям — то, о чем это письмо [Солженицын 1981, 120].

В письме на Рождество 1971 г. патриарх попросил православных русских, живущих за границей, не забывать любить свою церковь и свою родину. Солженицын удивился, что он обратился только к эмигрантам, ведь в самом СССР вера находилась в еще большей опасности.

Почему, придя в церковь крестить сына, я должен предъявить паспорт? Для каких канонических надобностей нуждается Московская Патриархия в регистрации крестьящихся душ? [*Солженицын 1981, 121*].

Ирония пронизывает все письмо. Конечно, автор знает, что церковные власти обязаны требовать паспорт: сталинский закон 1943 г. был еще в силе. Для автора письма, простого верующего, бросающего некоторый вызов патриарху, Россия теряла и окончательно утерjala

светлую этическую христианскую атмосферу, в которой тысячелетие устоявались наши нравы, уклад жизни, мировоззрение, фольклор, даже само название людей — крестьянами [*Солженицын 1981, 122*]<sup>2</sup>.

Одним из аспектов христианства Солженицына является влияние на него старообрядчества, хотя старообрядцем он не стал. Старообрядцы играли заметную роль в экономическом развитии России. Французский историк Л. Поляков<sup>3</sup>, сравнивает роль старообрядцев в России с ролью лютеран на западе, т. е. применяет к ним рассуждения социолога М. Вебера в классическом опусе «Протестантская этика и дух капитализма». Солженицын часто говорил о превосходстве внутреннего развития над внешним, а Вебер изучает капитализм именно изнутри — выявляя, как частные добродетели помогают развитию капитализма. Рассуждения Солженицына близки к социологическим основам Вебера, писатель считал старую веру *раскольников* образцом для подражания. Это особенно видно в речах его героев-инженеров в «Августе Четырнадцатого», Архангородского и Ободовского.

Руководителей СССР он обличает в продолжении безумного излишнего расширения территории России, начатого Екатериной Великой и еще более безумно развитого Сталиным —

2. Слово «крестьяне» в русском языке происходит от слова «крест». По-французски слово *peasant* от *paganus*, т. е. язычник.

3. Автор знаменитой «Истории антисемитизма» (1956–1977), об истории антисемитизма в Европе со Средних веков до Гитлера (См.: [*Поляков*]).



этому безумному расширению он противопоставляет принцип *самоограничения*. Солженицын обращает свои требования самоограничения и к церкви. Стремление к власти и к «обладанию» с XVI в. раздирало русскую церковь: Иосиф Волоцкий с одной стороны и «нестяжатель» Нил Сорский с другой. Нил был побежден и превосходство «собственников» утвердилось в русской церкви, а в 1943 г. Сталин «купил» церковь, восстановив в качестве компенсации патриаршество и право обладания. Именно эту *номенклатурную* церковь обличает Солженицын. Письмо было воспринято крайне критически: священник Михаил Ардов иронизировал над ошибками Солженицына в описании литургии, священник Сергей Желудков возмущался высокомерностью его письма патриарху, который не мог ответить на обличения.

Эмиграция старообрядцев из России началась задолго до 1917 г. — из-за двух веков преследований со стороны государства и официальной церкви. В книжках, изданных старообрядцами Аргентины и Южной Америки, Солженицын нашел аргументы в пользу самоограничения. Во время своего большого путешествия по Северной Америке он навестил издавна живущих там старообрядцев Орегона. Они с женой ехали в машине и вдруг увидели девушек и женщин в русских сарафанах. Сердце их было переполнено радостью: они вдруг оказались в России. В рассказе о пребывании у старообрядцев Орегона чувствуется восхищение и горечь. Горечь от того, что у строгих старообрядцев «беспоповцев» они должны были оставаться на пороге церкви во время воскресной службы...

В «Красном колесе» изображены несколько староверов, всегда доброжелательно, независимо от того, какое место они занимают. И министр временного правительства Гучков, и большевик Шляпников — труженики и альтруисты. В отношении Солженицына к староверам была определенная доля идеализации. Староверы находились в плену у устаревших обрядов и были сформированы постоянным перечитыванием Апокалипсиса, им недоставало интеллектуальной жизни. Но они были борцами за веру, и это очаровывало Солженицына, как это очаровывало Мусоргского и представителей русской интеллигенции начала XX в. во время их «духовного прозрения»<sup>4</sup>.

4. Это относится к поэтам Блоку, Белому, Клюеву, Волошину, целому поколению...

Отец Северьян в «Красном колесе» представляет церковь, отказывающуюся подчиняться, желающую воскресить старую Россию. Этим объясняется его симпатия к раскольникам.

С первых своих шагов отец Северьян примкнул к тем в русском духовенстве, кто хотел бы вернуть Церкви место — возродительницы жизни. Чтобы она ответила на тулик современного мира, откуда ни наука, ни бюрократия, ни демократия, ни более всех надутый социализм не могут дать выхода человеческой душе [*Солженицын 2008, 232*].

Отец Северьян любит свой приход в Рязани, где он служит в старинном храме Спаса-на-Юру. Эта церковь доминирует над окружающим пространством, вдыхает русский простор, по которому кивают друг другу колокольни, «взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точеными, резными поднявшиеся над соломенной и тесовой повседневностью» [*Солженицын 2003, 292*]. С незапамятных времен православие притягивало этой неизменной красотой преображенного пространства, как будто невозможно понять вечную высшую истину, не напившись и не насладившись этой необъятной красотой. Это струящееся космическое дыхание делает пространство Солженицына сакральным, роднит его с пространством о. Тейяра де Шардена.

Кто молится в произведениях Солженицына? Парадоксально, но это прежде всего два персонажа, которые терпят полный жизненный крах. Пламенно молится император Николай II, освободившись от бремени власти:

Мы — не можем разгадать Спасителя, но Он — понимает нас сразу, до разъема, и во всем — сделанном, подуманном, упущенном. И от этого полного мгновенного понимания ощущаешь себя вдруг — ребенком, слабым, но защищенным [*Солженицын 2010. Кн. 2, 778–779*].

Другой молящийся — это генерал Самсонов, в «Августе Четырнадцатого». Генерал, побежденный, попавший в окружение, также оказывается беспомощным ребенком, он прячется в кустах и пускает себе пулю в лоб. Он совершает воинское преступление и преступает Божественный закон, но тяжесть поражения настолько велика, что все ему прощено. Другая грешница Зина Алтанская, любовница Федора Ковыньёва, делающая аборт, видит

кошмар, в котором она перепрыгивает со льдины на льдину на замерзшей реке. Но и ей прощены ее грехи.

В романе Солженицына свершается будто бы особая литургия падших, немощных, тех, кого жизнь внутренне разрушила, но которым таинственным образом даруется новая жизнь. Если существует православное таинство, о котором Солженицын больше всего размышлял, то это таинство покаяния и стоящая за ним тайна Прощения. Прощение происходит вне литургии и канонов, прощение идет от самого божественного творения, это тайна, включенная в диалог Бога и человека.

Много раз на страницах «Красного колеса» цитируется Книга Иова. Ее читает, в частности, император, отрекшийся от престола, не имея на это права. Вызов, брошенный Богу дьяволом, вызов, посягающий на моральное и материальное благосостояние Праведника, снова повторяется в гигантских масштабах империи, в которой десятки миллионов человек и десятки миллионов верст.

Прощение, освещающее лучшие страницы «Красного колеса», невозможно в политических и моральных сочинениях. «Колесо» — этот гигантский текст, в котором историк пытается понять каждую секунду революционного процесса, — имеет парадоксальный смысл: неудача освящается. Сопrotивление революции, переплавляющей человеческую сущность и создающей на месте существовавшей ранее природы человека совсем иной сплав, терпит неудачу в истории. Сухие дидактические главы чередуются и пытаются объяснить эту неудачу. Но тут же вспыхивает таинственный свет, отражающий прощение грешников и смягчающий грусть от неудачи.

Роман подчиняется закону романа, т. е. персонажи на каком-то этапе вступают в полемику с автором и следуют линии, которой сам Солженицын не хотел следовать. Политические эссе и статьи, окаймляющие роман и содержащие монологический комментарий автора, пробуют «исправить» роман и дать толковый ключ. В своих мемуарах автор пытается как можно ближе идти по следам своей жизни, своей борьбы, своего поединка с властью. И можно сказать, что роман и эссе на полях романа практически становятся оборотными, противоположными ликами одной и той же маски, слепленной с умершего. Таким образом, статьи, интервью иначе осветили гигантский анамнез, которым является «Красное колесо»: возвращение к прошлому, чтобы понять, когда же Россия сбилась с пути, откуда идет искажение лица русского человека, некогда доброго, а ныне ставшего подозрительным

и сварливым. Начиная с «Письма вождям Советского Союза», тезис становится ясным: спасение — истребление идеологии, навязанной России и миру. В «Размышлениях о Феврале», в «Чертах двух революций» появляется понятие, на котором весь груз вины, вся ответственность за потерю доброго лица, за сбивание с естественного курса истории и человека — это «Поле», т. е. мираж «левения», непреодолимое скольжение в сторону ТERRORA, т. е. неспособность центра и правых, умеренных граждан, сопротивляться политическому фанатизму, лжи и террору.

Солженицын ищет точку отсчета этой патологии и находит ее в XVI в., когда зародился гуманизм, а также в протестантской реформе, которая является одним из главных его проявлений. Реформа, приведшая к эпохе Просвещения, порождает свой последний отголосок в лице большевизма.

Солженицыным овладевает какая-то идеология «медиевализма». Не случайно в «Красном колесе» Ольда, подруга полковника Воротынцева, — профессор средневековой истории на женских Бестужевских курсах. Солженицын видит в теоцентричности медиевализма высшую ценность, которую утратил современный мир. Ольга защищает автократию (независимость суверенной власти), она хочет освободиться от всех «запретов прогрессивной мысли», отделиться от диктатуры большинства. (Это понятие Солженицын нашел у Токвиля, прочитанного в переводе).

...Обнаружить ветвь и выдать ее за все древо. Западное просветительство — только ветвь западной культуры, и отнюдь не самая плодоносная. Она отходит от ствола, не идет от корня.

— А что же главней?

— Если хотите, главней — духовная жизнь Средневековья. Такой интенсивной духовной жизни, с перевесом над материальным существованием, человечество не знало ни до, ни после [Солженицын 2006, 420].

Лекции Ольды Андозерской вызывают скандал у слушательниц. В своей речи в Гарварде в июне 1978 г. Солженицын отвечает своему персонажу: «Сам по себе поворот Возрождения был, очевидно, исторически неизбежен: Средние Века исчерпали себя» [Солженицын 1995, 324]. Но упрек в том, что гуманизм лишил человека смысла жизни, переместив центр от Бога к человеку, присутствует постоянно. Парадоксальным образом Маркс был прав, говоря: «Коммунизм есть натурализованный гуманизм» [Солженицын 1995, 325].

Во всей своей историографии Солженицын находится на стороне человека действующего, это можно считать марксистской позицией, не зря в молодости он и был марксистом. Ему совершенно чужда теория предназначения, его нельзя заподозрить в янсенизме. Но его активный, действующий человек, определяемый «пракисом» (как у Маркса) должен найти свое место в космосе, центром которого является Бог. Его выступление в Гарварде кажется ведет к отрицанию Запада, еще привязанному к Идеологии, тогда как на Востоке ее больше нет (утверждение 1979 г., которое звучит странно в 2018 г.). Однако свести эту речь к этому, значит забыть, что действующий человек Солженицына, с присущей ему смелостью, всегда должен находиться в теоцентрическом космосе. Гарвардскую речь изолировать от Темплтонской — совершенно неверно.

Достаточно ли этого, чтобы назвать Солженицына христианским писателем? Вновь обретенная красота божественной литургии замечательно описана в произведениях Бунина, но это не делает его христианским писателем. Саня Лаженицын, прототипом которого является отец писателя, исповедует тяжелый грех — убил своего ближнего, пусть на войне и пусть не различая лицо убитого им врага, но он внутренне отказался от отпущения грехов, данного ему о. Северьяном. Саня толстовец, исповедует «ненасилие» (так же, как отец писателя), но он пошел в армию добровольцем (так же, как отец) и он очень тяжело переживает, что отпущение грехов за совершенные на войне убийства дано механически, как он думает, о. Северьяном. При второй их встрече о. Северьян его внимательно выслушивает, говорит ему, что Толстой никогда не был христианином, что он «прямой плод вольтерьянского нашего дворянства» [Солженицын 2007, 56]. Это рассуждение несколько не облегчает Саню: его ужасный грех может быть расширен до размеров всего человечества, всевропейской гражданской войны, в которой по обеим сторонам фронта находятся христиане.

Добавим: как не удивляться, читая выступления Солженицына в Испании в марте 1976 г.? В молодости он, конечно, восторгался войной в Испании, где советские добровольцы боролись с фашизмом генерала Франко. Толедо, Теруэл, Гвадалахара — эти названия громко звучали в юношеских сердцах. Но автор «Архипелага», приехавший в Мадрид, больше не коммунист-романтик. Он сравнивает две гражданские войны — русскую и испанскую — и констатирует, что число жертв в России гораздо больше (хотя

грех понятие не количественное). И для него в Испании победило христианское мировоззрение...

Слова Солженицына вызвали скандал в то время, но и до сих пор они могут смущать в том смысле, что Христос и провозглашаемые разными Великими Инквизиторами «христианские ценности» часто диаметрально противоположны. Франко был новым Великим Инквизитором. И в нынешней Европе их немало. Здесь присутствует проблема компромисса христианства с сильными мира сего. Легенда о Великом Инквизиторе Достоевского, которую Иван читает своему брату Алеше, говорит об этой проблеме. Поэтому и разговор Сани с о. Северьяном наталкивается на трудности; священник говорит, что он пошел в армию добровольно, потому что война — не самое худшее, что может быть. До тех пор, пока существуют государства, будут войны. Проблема в появлении доброй воли у людей, в очищении сердец. Саня это принимает с трудом. Он, ученик Толстого и сторонник ненасилия, носит в сердце грех насилия, тем более, что он пошел добровольцем.

Протоиерей Александр Шмеман в своих «Дневниках...» много раз говорит о христианстве Солженицына. Он им восхищается и считает, что перед ним христианский писатель, творчество которого определено «триединой интуицией сотворенности, падшести и возрожденности» [Шмеман, 191]. Именно это делает его христианином и рубакой идеологии. Но все-таки у богослова возникает сомнение. 31 мая 1975 г. Шмеман пишет в дневнике о творчестве Солженицына, что внутри этого «целого» существуют страшные соблазны, подобные невыносимым опухолям. Этих соблазнов три: первый — это национализм Солженицына, который хуже messiанизма Достоевского или проповеди Толстого — у них национализм имел «какое-то религиозное и, следовательно, “универсальное” значение» [Шмеман, 191]. А «русскость» Солженицына, как считает Шмеман, не стремится к универсализму, как у Достоевского, а сводится к узкой исторической памяти, что на самом деле равно антиисторизму. Вторая опухоль — некий «ленинизм», т. е. эгоистическое использование людей ради дела. Третья опухоль относится к религиозному сознанию и состоит в «номенклатуре» и «иерархии» ценностей, которая есть искажение христианства, в то время как Христос — единственная ценность и требует полной переоценки всех ценностей. Ему кажется, что Солженицын-творец все более противостоит Солженицыну-человеку. В первом Солженицыне человек оставался смиренным

по отношению к творцу, которым он был, во втором Солженицын-человек одерживает верх над творцом. «В мире — много добродетели и так мало добра» [Шмеман, 462]. Много добродетели, много пророков, но мало смирения — таково сомнение о. Александра относительно человека, которым он так восхищался. Во время встречи в мае 1979 г. он уточняет для себя самого:

На «данном этапе» своей жизни... он знает, что он хочет написать и сделать... Отсюда — вежливое равнодушие к другим мнениям, отсутствие интереса, любопытства. <...> Он уже нашел свою линию... Этот ответ он разрабатывает в романе, а другие должны «подтверждать» его «исследованиями»... И весь вопрос в том, кто кого «победит» — он тезис... или тезис — его [Шмеман, 463].

Присоединиться к вердикту о. Шмемана — не мое дело. Суждение О. Клемана было совершенно другим, но издалека. Судить о вере близкого вообще не наше христианское дело — если мы не облечены этой властью. Наверно, именно диалог пророка и борца в личности Солженицына и есть самое захватывающее в писателе, как и в борце Солженицыне.

Вернемся к диалогу о. Северьяна и Сани. «Вы — *отпустили* мне мой грех, мои сомненья. Но я себе — не отпустил. Все вернулось и обступило снова» [Солженицын 2007, 59], — говорит герой Солженицына. Тайна отпущения грехов — великая тайна. Солженицын-борец боролся с Кесарем. Солженицын-человек допускал компромиссы с Кесарем. Но сомнения Сани Лаженицына тоже сомнения Александра Солженицына. Вспомним замечательное «Послание к Диогнету» о двух республиках<sup>5</sup>: небесной и земной. Диалог этих республик и даже их конфронтация — их «полемика» в самом строгом и этимологическом смысле слова — одна из основ мира Александра Солженицына.

5. Ср. в рус. пер.: «Для них всякая чужая страна есть отечество, и всякое отечество — чужая страна. Они... <...> ...на земле, но суть граждане небесные» [Диогнет, 375–376].

## Литература

1. *Диогнет* = Послание к Диогнету // Св. Иустин Философ и мученик. Творения. М. : Паломник, 1995. С. 371–384.
2. *Поляков* = Поляков Л. История антисемитизма : В 2 ч. Пер. с фр. В. Лобанова, М. Огняновой. 2-е изд., исп., доп., илл. Москва ; Jerusalem : Мосты культуры : Gesharim, 2008. Ч. 1 : Эпоха веры. 565 с. Ч. 2 : Эпоха знаний. 612 с.
3. *Солженицын 1981* = Солженицын А. И. Публицистика. Париж : YMCA-Press, 1981. 367 с.
4. *Солженицын 1991* = Солженицын А. И. В круге первом. Книга I. М. : ИНКОМ НВ, 1991. 352 с.
5. *Солженицын 1995* = Солженицын А. И. Речь в Гарварде (1978) // Он же. Публицистика : В 3 т. Т. 1. Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1995. С. 309–328.
6. *Солженицын 2003* = Солженицын А. И. Рассказы. М. : АСТ, 2003. 588, [4] с.
7. *Солженицын 2006* = Солженицын А. И. Красное колесо : Повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах : Узел I : Август Четырнадцатого. Кн. 2. М. : Время, 2006. 536 с.
8. *Солженицын 2007* = Солженицын А. И. Красное колесо : Повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах : Узел II : Октябрь Шестнадцатого. Кн. 1. М. : Время, 2007. 512 с.
9. *Солженицын 2008* = Солженицын А. И. Красное колесо : Повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах : Узел III : Март Семнадцатого. Кн. 4. М. : Время, 2008. 736 с.
10. *Солженицын 2010. Кн. 1* = Солженицын А. И. Красное колесо : Повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах : Узел III : Март Семнадцатого. Кн. 1. М. : Время, 2010. 744 с.
11. *Солженицын 2010. Кн. 2* = Солженицын А. И. Красное колесо : Повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах : Узел III : Март Семнадцатого. Кн. 2. М. : Время, 2010. 800 с.
12. *Шмеман* = Шмеман Александр, прот. Дневники : 1973–1983 / Сост., подгот. текста У. С. Шмеман, Н. А. Струве, Е. Ю. Дорман ; Предисл. С. А. Шмемана ; Примеч. Е. Ю. Дорман. М. : Русский путь, 2005. 720 с.



**G. Nivat**

## From the “Prayer” to the Refusal to Receive Absolution: Is It Possible to Define Solzhenitsyn’s Christianity?

The article traces the evolution of Christian themes and motifs in A. I. Solzhenitsyn’s work and raises the question of the nature of his Christian faith and of its role in his literary and journalistic writings. Special attention is paid to the imagery of the righteous, to the theme of repentance and forgiveness as well as to the writer’s interest to aesthetics in Christianity and to the representation of Old Believers. The article also reflects how Olivier Clement and Protopresbyter Alexander Schmemmann viewed Solzhenitsyn’s Christianity. It is concluded that there was a complex controversy between of the heavenly “republic” and the earthly one within the writer’s creative universe.

KEYWORDS: Christianity, Christian writer, Aleksandr Solzhenitsyn,  
Protopresbyter Alexander Schmemmann, repentance, Solzhenitsyn’s work.